

Евгений Афонасин

«О том, что наилучший врач также и философ»:
заметка о враче неоплатонике*

EUGENE AFONASIN

“THE BEST DOCTOR IS ALSO A PHILOSOPHER”:

A NOTE ON A NEOPLATONIC PHYSICIAN

ABSTRACT. In his *Philosophical History* (fr. 80–84 Athanassiadi), Damascius narrates about a philosopher, named Asclepiodotus, whose interests ranged from Platonic philosophy to Aristotelian natural science. Asclepiodotus’ instructor in medical matters, a son of a doctor from the Isle of Rhodes, Iacobus, is pictured by Damascius as an exemplary figure (*HP* 84), who, unlike many of his contemporaries, did not solely rely in his practice on compilations and anthologies, but kept trying to acquire first-hand medical expertise. He always tested the opinions of others and gained a reputation of an extremely successful physician, although the methods of treatment, ascribed to him by Damascius, are highly reminiscent of those presented as Pythagorean practices by Iamblichus (*De vita Pythagorica* 34.244). In this article, I argue that both Iacobus and Asclepiodotus conform to the best standards of medical ethics and pass the test set by Galen in his *De optimo medico cognoscendo*, except perhaps for the fact that they preferred to rely on such authorities as Aristotle and the methodist Soranus rather than on the list of “dogmatists” proposed by Galen.

KEYWORDS: Aristotelian tradition, medicine in Late Antiquity, medical ethics.

© Е.В. Афонасин (Новосибирск). afonasin@gmail.com. Институт всеобщей истории Российской академии наук; Новосибирский государственный университет.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе» (проект № 15-18-30005, Институт всеобщей истории Российской академии наук).

Жадины — это скорее аптекари, чем врачи (ὡς φαρμακεῖς εἶσιν, οὐκ ἰατροί)...

Философствуя, мы становимся истинными приверженцами Гиппократа, и если мы так и поступим, то ничто не мешает нам не только сравняться с ним, но и превзойти его, изучая то, что он хорошо описал, и обнаруживая то, что еще осталось ненайденным.

Гален. «О том, что наилучший врач также и философ».

I

В «Философской истории» Дамаский¹ рассказывает о философе по имени Асклепиодот, который, наряду с платонической философией, также интересовался естественными науками и медициной². К сожалению, его сочинения до нас не дошли. С детства Асклепиодот увлекался различными искусствами и ремеслами (τέχναι), такими как смешивание красок; он изучал свойства камней и трав и достиг определенных успехов в различных областях аристотелевской науки, таких как естественная история животных и растений:

он подробно изучал всевозможных [животных и растения], которые только попадались ему на глаза; а все то, что он не мог найти сам, он подробно исследовал на основании рассказов очевидцев и собирал все то, что об этом написано у древних авторов (HP 80).

Не исключено, что именно он изготовил дошедшие до наших дней солнечные часы в Александрии³.

¹ Фрагменты *Historia philosophica* (далее HP) см. в издании Athanassiadi 1999.

² Ученик Прокла и учитель предшественника Дамаския Исидора, Асклепиодот бежал из Александрии в Афродисию, опасаясь преследований со стороны христиан. Дамаский сообщает, что гостил у него на своем пути из Александрии в Афины, и описывает его как философа, не вполне уверенного в теологических вопросах, однако «лучшего из его современников в области естественных наук», склонного «собирать все воедино и сводить к физическому уровню». Кроме того, Дамаский отмечает критический ум Асклепиодота, который любил задавать сложные вопросы (HP 85a). Детали жизни Асклепиодота здесь занимают нас лишь отчасти. Подробнее см. Athanassiadi 1999: 37 f. и 348–349.

³ Athanassiadi 1999: 203, n. 205

Наставник Асклепиодота в искусстве медицины, сын одного врача с острова Родос, по имени Якоб, представлен у Дамаския как образец врача и ученого (HP 84).

Якоб научился искусству медицины у своего отца Гесихия, который путешествовал в течение многих лет по всей ойкумене от Италии до Константинополя, практикуя медицину и приобретая новое знание. Вернувшись назад в Константинополь, отец Якоба обнаружил, что большинство местных врачей не проводят самостоятельных исследований и лечение основывают на различных книгах и сборниках рецептов, никогда не подвергая сомнению мнения авторитетов (HP 84a–c). Гесихий считал это неприемлемым и решил передать своему сыну настоящие и проверенные знания. Очевидно, отец и сын приобрели в свое время репутацию опытных врачей, хотя методы лечения, которые приписывает им Дамаский, очень сильно напоминают то, что можно прочесть о пифагорейской медицине у Ямвлиха (*De vita Pythagorica* 34.244). Наши врачи отвергали операции и прижигания («огнем и ножом»), а также кровопускания, предписывая вместо этого диету, очищающие средства и холодные ванны. Эти методы, как сообщается, помогали даже от серьезных нарывов (HP 84d). Будучи в Афинах, Якоб предписал Проклу воздерживаться от капусты и использовать вместо нее в качестве слабительного мальву. Однако философ отказался следовать предписанию врача, строго исполняя пифагорейский пищевой запрет⁴. Следуя заветам своего наставника, которого он сравнивал с Гиппократом и Сораном (HP 85e)⁵, Асклепиодот «восстановил давно забытую практику использования белого морозника (λευκὸς ἐλλέβορος), благодаря которому вылечивал, вопреки ожиданиям, и неизлечимые болезни» (HP 85d).

⁴ Пифагорейцам не дозволялось есть мальву, так как она считалась «первым признаком симпатии между небесными и земными существами» (Ямвлих. *De vita Pythagorica* 24.109; ср. *Oracula Chaldaica* 210a).

⁵ Выбор в качестве основного авторитета известного врача-методиста I в. н.э., возможно, связан с эмпирическими интересами самого Асклепиодота, который стремился все исследовать лично.

Поведение Якоба задавало стандарты медицинской этики: он был вполне доволен вознаграждением из городской казны (δημοσίω)⁶ и никогда не брал денег с пациентов (*HP* 84g); «более, чем любой его современник, он был мягок и добр по отношению к каждому нуждающемуся» (*HP* 84h); «он имел обыкновение говорить, что совершенный доктор должен либо оставить надежду победить болезнь, либо, согласившись излечить пациента, добиться улучшения его здоровья и покинуть его, лишь убедившись в том, что он пребывает в более приемлемом состоянии; иначе он не должен оставлять больного» (*HP* 84e); пациенты любили его и доверяли его словам, называя спасителем («как Асклепия в древности», *HP* 84e), и даже воздвигли статуи доктора в Афинах и в Константинополе (*HP* 84i и Malalas 14.38, 292 Thurn).

Наконец, он был приверженцем древних религиозных ритуалов и лично общался с божеством:

Он был настолько уверен в себе и своих методах лечения, что если, диагностировав на основании симптомов болезнь пациента во время визита, заявлял, что этот человек выживет, все радовались и ожидали выздоровления, если же нет — то готовились к смерти больного... Однако врачи постоянно стремились дискредитировать его, оскорбительно обвиняя в том, что он не врач, а какой-то святой и любимец богов. И они были правы! ...у Якоба была асклепическая душа, от природы наделенная целительской [букв. «пеанической»] силой⁷. Более того, он настолько страстно

⁶ Он засвидетельствован как комит и архиатр («главный врач») в Константинополе при Льве I (457–474), источники см. Athanassiadi 1999: 207, п. 210.

⁷ «[как и в мантике] в медицинском искусстве сама пеаническая сила должна принадлежать богам, тогда как функции служения и помощи достаются даймонам... Ведь, как и Эрота, Асклепия окружают множество даймонов: некоторые шествуют позади бога, а некоторые — впереди. Смертным же в удел достается медицинское искусство, основанное на созерцании и опыте, благодаря которым одни осваивают божественное искусство врачевания в большей степени, а другие — в меньшей» (Прокл. *In Ti.* I 158.17–25 Diehl). То есть, согласно неоплатонику, пронизывающая весь мир божественная «пеаническая» сила постепенно проливается на низшие уровни бытия, воплощаясь в конечном итоге в доступном человеку искусстве врачевания. Ср. Прокл. *In R.* II 118 Kroll. Подробнее см. Афонасин, Афонасина 2016.

стремился к осуществлению своего призвания, что это не только приблизило его к божеству, покровительствующему его искусству, но и привело к возникновению подлинной близости между ними (HP 84e).

Подобным же образом Гесий⁸, ученик неоплатоника Аммония и известный врач, живший в Александрии в начале VI века, не только «достиг большей точности, нежели современные ему врачи и ятрософисты», но и был причастен Асклепиевой мудрости (HP 128), как, впрочем, и великий схолярх Афинской Академии Прокл, который, согласно его биографу, посетил святилище Асклепия в Афинах незадолго до его разрушения христианами (Марин. *Vita Procli* 29). Непосредственной причиной визита было то, что молодую девушку Асклепигению постигла неведомая болезнь, и, когда всякая надежда на излечение была утрачена, ее отец Архиад, невероятно переживающий о здоровье своей единственной дочери, обратился к Проклу с просьбой помолиться за нее богу. Очевидно, Прокл был уже известен своими способностями в этой области. Так, Марин сообщает, что он постоянно обращался к богу «на словах и в гимнах» с просьбами исцелить его друзей, всегда вызывал врачей и стремился сделать так, чтобы они проявили все свои способности, нередко лично помогая им (*Vita Procli* 17). Асклепий услышал мольбу, и девушка немедленно выздоровела. В повествовании Марина этот эпизод занимает центральное место, так как ему придается провиденциальное значение: девушка, чудесно спасенная Асклепием, затем вышла замуж за архонта Теагена и родила будущего схоларха Академии Гегия (HP 63b). Если бы она умерла, то прервалась бы «золотая цепь» платонической преемственности. С другой стороны, бабушка спасенной девушки, также Асклепигения, посвятила Прокла в некие древние таинства, которые она, в свою очередь, узнала от своего отца и «духовного деда» Прокла Плутарха, который еще ранее унаследовал это знание от своего отца

⁸ Подробнее см. Athanassiadi 1999: 291, n. 342.

Нестория. Имя Асклепигения указывает на тесную связь этой семьи с культом Асклепия (ведь даже их дом располагался, как мы знаем, в нескольких метрах от святилища бога), и довольно примечательно, что Плутарх решил передать это знание не сыну, а дочери. Возможно, как замечает по этому поводу Джон Диллон⁹, этот выбор был обусловлен тем обстоятельством, что сын Плутарха Гиерий, также философ и ученик Прокла, не был для этого подходящей фигурой. Как бы там ни было, своим действием Прокл не только отплатил добром за добро, но и показал, что он был хорошим учеником.

II

Обращение к Галену позволит нам лучше понять контекст этих свидетельств. В небольшом эссе «О том, что наилучший врач также и философ» (*Quod optimus medicus sit quoque philosophus*), две фразы из которого вынесены в виде эпитафии (Kühn 1821: 61 и 63), Гален настаивает на том, что истинный приверженец искусства медицины, уподобляясь своему патрону, служит людям и делает свою работу не ради наживы, но из стремления к знанию¹⁰. В сочинении «О том, как распознать лучшего врача» (*De optimo medico cognoscendo*, далее *ОМ*), сохранившемся лишь в арабском переводе¹¹, Гален предлагает целую серию тестов, призванных помочь отличить шарлатана и дурного врача от знатока своего дела. Мы читаем, что пациент, небезразличный к тому, что с ним станет, должен, при возможности, сам выбирать себе врача. Разумеется, для этого он и сам должен хотя бы отчасти

⁹ Dillon 2007: 123, n. 16

¹⁰ «Асклепий лечит людей не рассчитывая на вознаграждение, повсюду распространяя свойственное ему благоволение к людям» (Юлиан. *Ep.* 78, 419b). «Асклепий излечит и Павсона, и Ироса, и любого другого бедняка» (Элиан. *fr.* 100).

¹¹ См. Iskandar 1988, а также Nutton 1990. На русский язык трактат не переведен, хотя в последнее время в России наметился рост интереса к античной медицине. Так, в частности, вышли несколько трактатов Галена — в переводах, которые все еще нуждаются в уточнении (Балалыкин и др. 2014). См. также недавние исследования по истории античной медицины и эмпирической науки в античности: Балалыкин 2015, Петров 2015abc, Петрова 2015.

разбираться в медицине, логике и философии. Удивительно, говорит Гален, что хотя здоровье ценится всеми людьми, ораторы произносят поэмы в честь Асклепия и произносят их в храмах, а правители с древнейших времен обучали искусству медицины своих сыновей, большинство, тем не менее, не стремится изучить это искусство и неспособно отличить хорошего врача от плохого (ОМ 1.2–3). Более того, даже правители и высший свет теперь считают зазорным быть сведущими в этом искусстве и во всех городах и странах люди за исцелением обращаются скорее к Асклепию и Аполлону, нежели к обычному врачу (ОМ 1.4). Как следствие, развелось множество шарлатанов, которые выдают себя за врачей ради наживы, и никто не в силах их разоблачить (ОМ 1.8, 9.16 и др.). Большие города, вроде Рима, примечательны тем, что люди, живущие в них, не интересуются тем, что происходит по соседству, поэтому, если кто-то заболел или умер, то никто и не узнает никогда, кто и как его лечил (ОМ 1.12–13). Все это создает прекрасную питательную среду для злоупотреблений.

Итак, следуя совету Гиппократата (*De prisc. med.* 9), главное — это прогноз, то есть хороший врач должен уметь предвидеть то, что случится с пациентом, и вовремя принять меры. Он должен вести себя подобно хорошему кормчему, который не только умеет справляться с сильными ветрами и волной, но и по знакам предвидит изменения погоды и вовремя находит спасительную бухту (ОМ 2.1–3). Причем он не должен полагаться на один лишь знак или симптом, но уметь распознать всю их совокупность (ОМ 5.16 и др.). Далее, хороший врач должен иметь под рукой необходимые лекарства и инструменты и применять их при необходимости для того, чтобы вовремя предотвратить негативные явления или, по крайней мере, уменьшить их интенсивность (ОМ 2.6). При необходимости он должен суметь изготовить снадобья из подручного материала, например, если находится в деревне и в его распоряжении лишь местные растения (ОМ 12.3 сл.). Между тем даже некоторые из врачей считают, что изучение причин болезни, возможно, полезное для развития логики или софистики, бес-

полезно с практической точки зрения (ОМ 3.1–3). Разумеется, теоретические знания не помогут тому, кто не имеет практического опыта, однако тот, кто ничему не учился, вряд ли в силах постичь все самостоятельно (ОМ 3.12). Поэтому хороший врач, во-первых, обязательно знает учения древних медиков и, прежде всего, Гиппократ и, во-вторых, на их основе и благодаря изучению причин болезней, способен прогнозировать их исход. Гален приводит ряд примеров удачных прогнозов, которые позволили ему справиться с различными болезнями (например, он вовремя предсказал начало кровотечения из носа благодаря знанию причин, вовремя помог женщине, у которой случился выкидыш и т.д.), отмечая при этом, что попутно он нажил себе немало врагов среди своих коллег, которым показалось, что он ведет себя подобно «прорицателю» (ОМ 4.1–5, 13.6 сл.). Плохо, говорит он далее, что некоторые врачи неспособны даже отличить нормальные явления в организме от проявлений болезни и боятся симптомов, которые указывают на кризис, но отнюдь не ухудшение или смерть. В результате они впадают в панику и совершают ошибки, будучи не в силах соизмерять свои действия с силами пациента (ОМ 4.6).

Если вы желаете проверить квалификацию врача, — советует Гален, — спросите его, что думал по поводу той или иной болезни Гиппократ, одобрял ли его методы Эрасистрат и какого мнения придерживались по этому поводу Диокл, Плистоник, Филотим, Праксагор, Герофил и Асклепиад (ОМ 5.2)¹². И если перед вами образованный врач, он сможет не только описать воззрения древних и разногласия между ними, но и аргументированно представить свое мнение, подкрепленное личным опытом. Технике все-

¹² Список врачей примечателен тем, что в него входят только древние врачи (все они жили до III в. до н.э.), и все они скорее «догматики», чем «эмпирики»: об этом Гален подробно рассуждает в своем небольшом сочинении «О толках, для начинающих» (*De sectis ad eos, qui introducuntur*). Асклепиада из Вифинии, который во многом предвосхитил позднейшие теории «методистов», и александрийского врача эллинистического периода Эрасистрата Гален обычно критикует, тогда как остальной список древних авторитетов в области медицины более или менее обычен. Подробнее см. Nutton 1990: 246–247 и Афонасин 2015.

гда должно предшествовать понимание: «ведь никто не может считать, если не учился арифметике» (ОМ 5.4).

Далее, прогноз связан с терапией и непосредственно зависит как от методов лечения, так и действий самого пациента, его слуг и внешних обстоятельств. Это должен понимать хороший врач и, прогнозируя течение болезни, принимать во внимание все обстоятельства, кроме, разумеется, неизвестных ему случайностей (ОМ 5.8–15). И конечно же, хороший врач никогда не будет покатать прихотям пациента и вести себя как домашняя прислуга, «превратившись в мерзкого раба, чья служба не только бесполезна, но и вредна» (ОМ 5.16–17).

Если врач проявил свои теоретические познания, в том числе в таких сферах, как анатомия и хирургия (ОМ 9.22), ему следует затем показать будущему пациенту, что он опытный практик (ОМ 9.24). Разумеется, оговаривается Гален, не все столь же опытные, как он сам (ОМ 10.1, 11.7 сл. и др.), однако они должны по крайней мере успешно справляться с наиболее обычными болезнями (ОМ 12.1 сл.) и, конечно же, успешное лечение одной сложной болезни перевешивает множество благоприятных исходов в не столь серьезных случаях (ОМ 13.10).

III

Примечательно, что, в отличие от Дамаския, Гален ничего не говорит об учителях тестируемого врача. Однако это важное отличие, возможно, и не столь разительно, если принять во внимание, что во времена Галена и, тем более, в период поздней античности, существовало не так уж много школ медицины, и многие врачи (в том числе и сам Гален) большую часть своих познаний получали из книг и личного опыта. Именно таким врачом и был отец Якоба Гесихий.

Описанное в *HP* 84a–с положение дел в константинопольской медицине примерно соответствует реальной ситуации в позднеантичный период: типичный врач V–VI в. скорее всего ограничивался использованием какой-нибудь медицинской энцикло-

педии. Дело не только в том, что большая часть классической медицинской литературы от Гиппократов до Галена была ему недоступна. Это не совсем так. Врач в Александрии или Константинополе вполне мог обратиться, скажем, к специализированному трактату Галена. Изменилась медицинская культура: наука сменилась религиозной пропагандой, а серьезные труды уступили место элементарным введениям, сборникам рецептов и компиляциям, вроде «Об острых и хронических болезнях» (*De morbis acutis et chronicis*) Целия Аврелиана или медицинских собраний Орибасия Пергамского, Аэция из Амиды и Павла Эгинского. В то же самое время практическое освоение медицины сменилось традицией ученого комментирования, далекого от реального опыта. Так, Стефан Афинский (ок. 550–630 гг.) читал лекции по теологии, астрономии и медицине и комментировал Аристотеля, Гиппократов и Галена¹³. Очевидно, отец Якоба был исключением из этого правила.

Другой важный момент, еще отсутствующий у Галена, — сложное «неоплатоническое» переопределение места Асклепия в иерархии божеств, за которым последовало переосмысление и самой концепции здоровья¹⁴. Однако этот сюжет заслуживает отдельного изучения и не может быть рассмотрен здесь детально¹⁵.

Пройдут ли Гесихий, Якоб и Асклепиодот «тест Галена»? По большей части, да. Конечно же, перед нами квалифицированные врачи, сведущие как в теории, так и в практике медицины, особенно это относится к Якобу. Все они, напомню, не только развивали новые методы в медицине, но и стремились восстановить

¹³ Подробнее см., например, Nutton 1984 и 2004: 293 сл., особ. 304–305.

¹⁴ «Считается, что [телесное] здоровье может быть уподоблено душевной справедливости, так как первое — это своего рода справедливость телесная, тогда как вторая — это справедливость душевная. Ведь привычка упражнять части души тем, что вносит в нее наименьшее разногласие, есть не что иное, как справедливость, тогда как сыновья Асклепия называли здоровьем то, что вносит строй и взаимное согласие в беспорядочность телесных начал» (*Vita Procli* 3). Подробнее об этом см. Афонасин 2016.

¹⁵ Подробнее об этом см. Афонасин, Афонасина 2016.

теоретические знания. Правда, выбор авторитетов существенным образом контрастирует с тем, что рекомендует Гален. Известный представитель методической школы медицины Соран (I в. н.э.), возможно, избран потому, что Асклепидот и его учителя прежде всего ориентировались на эмпирическую медицину. Не исключено также, что перед нами попытка противопоставить альтернативную традицию всепоглощающему «галенизму» поздней античности¹⁶.

Наконец, по описанию Дамаския, Якоб был особенно точен в своих диагнозах и прогнозах. Он смело брался за сложные случаи, отказываясь от попыток лечения только в самых безнадежных случаях, и пользовался безграничным доверием пациентов, которые сравнивали его с самим Асклепием. Примечательно, что, как и Гален, он нажил себе немало врагов среди коллег, которые не только завидовали его успехам, но и обвиняли в том, что он ведет себя подобно прорицателю. Правда, в условиях доминирования христианства обвинение в чрезмерной близости к божеству скорее содержало в себе политический контекст, нежели обвинение в применении ненаучных методов диагностики¹⁷.

Источники и литература

Афонасин 2015 — Афонасин Е.В. Гален. «О толках, для начинающих» // СХОЛН 9.1 (2015). С. 56–72.

Балалыкин и др. 2014 — Гален. Сочинения / Общ. ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. А.П. Щеглова; науч. ред А.П. Щеглова и Н.П. Шок. Т. I. Москва: «Весть», 2014.

¹⁶ Если предположить, что все современные Якобу и Асклепидоту врачи «догматически» читали Галена, учение которого к этому времени стало непрекращаемой нормой и превратилось в «галенизм» (Temkin 1962 и, со всевозможными деталями, Temkin 1973), то подобное обращение к альтернативной традиции было, должно быть, призвано восстановить дух научного поиска.

¹⁷ Ведь не случайно, обращаясь к Асклепию, Прокл «избегал внимания толпы, дабы не подавать повода для злоумышленников» (Марин. *Vita Procli* 29).

- Athanassiadi 1999 — Damascius. The Philosophical History / Text with Translation and Notes by P. Athanassiadi. Athens: Apameia, 1999.
- Iskandar 1988 — Galeni De optimo medico cognoscendo / versionem Arabicam primum edidit, in linguam Anglicam vertit, commentatus est Albert Z. Iskandar. Berolini: in aedibus Academiae Scientiarum, 1988. (Corpus Medicorum Graecorum Suppl. Orientale 4.)
- Kühn 1821 — Claudii Galeni Opera Omnia / Ed. curavit C.G. Kühn. T. I. Lipsiae: Car. Snoblochii, 1821.
- Thurn 2000 — Ioannis Malalae Chronographia / Rec. Ioannes Thurn. Berolini et Novi Eboraci: Walter De Gruyter, 2000.
- Афонасин, Афонасина 2016 — *Афонасин Е.В., Афонасина А.С.* Неоплатонический Асклепий // СХОЛН 10.1 (2016). С. 260–280.
- Балалыкин 2015 — *Балалыкин Д.А.* Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть II // Философия науки 66 (2015). С. 95–112.
- Петров 2015a — *Петров В.В.* Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем // СХОЛН 9.2 (2015). С. 393–402.
- Петров 2015b — *Петров В.В.* Аристотелевская традиция о текучести и преемственности вечно изменчивых живых тел индивидов // Диалог со временем 52 (2015). С. 82–92.
- Петров 2015c — *Петров В.В.* Элементы аристотелевской доктрины о росте и растущем у Оригена, Мефодия Олимпийского и Григория Нисского // СХОЛН 10.2 (2016). С. 117–130.
- Петрова 2015 — *Петрова М.С.* Тексты Аристотеля в латинской традиции Поздней Античности // Диалог со временем 52 (2015). С. 72–81.
- Dillon 2007 — *Dillon J.* The Religion of the Last Hellenes // Rites et croyances dans les religions du monde romain / Ed. J. Scheid. Vandœuvres · Genève: Fondation Hardt, 2007. P. 117–147.
- Nutton 1984 — *Nutton V.* From Galen to Alexander, Aspects of Medicine and Medical Practice in Late Antiquity // Dumbarton Oaks Papers 38 (1984). P. 1–14.
- Nutton 1990 — *Nutton V.* The Patient Choice: A new Treatise by Galen // Classical Quarterly 40 (1990). P. 236–257.
- Nutton 2004 — *Nutton V.* Ancient medicine. London: Routledge, 2004.
- Temkin 1962 — *Temkin O.* Byzantine Medicine: Tradition and Empirism // Dumbarton Oaks Papers 16 (1962). P. 97–115.
- Temkin 1973 — *Temkin O.* Galenism. Ithaca · London: Cornell Univ. Press, 1973.